

В тюремной камере всё стихло, никто не проронил ни слова.

Время, секунда за секундой, неторопливо шло вперёд.

Редко можно было увидеть находящегося у печки Юн Линя, который, не шелохнувшись, сидел спиной к двум старшим братьям.

Юн Шань сидел, прижавшись к кровати и опустив голову, и смотрел на Юн Ци, словно не видел его всю жизнь. Юноша постоянно думал о старшем брате во сне, однако, увидев его сейчас наяву, он просто рассматривал его, испытывая в душе горечь и боль, но не мог отвести взгляда.

Спустя какое-то время ресницы Юн Ци слегка дрогнули.

Эту лёгкую дрожь, которую никто другой бы не заметил, Юн Шань тотчас же увидел. Всё его тело задрожало от волнения и, крепко сжимая в ладонях руку Юн Ци и сдерживая в груди горячее чувство любви, юноша шёпотом позвал:

— Старший брат, старший брат, открой глаза и посмотри на меня.

Он просто попробовал позвать юношу, однако Юн Ци, словно действительно услышав его, резко вздрогнул и, будто желая вырваться из оков сна, внезапно запрокинул голову назад.

Глаза тотчас же открылись.

— Старший брат? — изумился Юн Шань.

Увидев ясные иссиня-чёрные глаза, юноша почувствовал, как волна высотой в три чжана накрыла сердце. Крепко обняв Юн Ци, Юн Шань стал покрывать лицо юноши поцелуями и непрерывно поглаживать, словно хотел таким образом передать невысказанное и охватывающее душу волнение.

Юн Шань ощутил странное чувство в руке, что заставило его опустить голову. Он увидел лишь очень худую кисть руки, которая вновь и вновь слегка тянула юношу за рукав.

В глазах проступили слёзы, а сам Юн Шань с улыбкой спросил Юн Ци:

— Что? До сих пор стесняешься, хочешь, чтобы я ослабил объятия?

Юн Ци, будучи во дворце наследного принца, так разнервничался, что потерял сознание, но когда вновь открыл глаза, то увидел Юн Шаня и совершенно не понимал, в чём дело. Его

охватывала тяжёлая болезнь, но в душе царили спокойствие и в то же время неясность. Увидев младшего брата, юноша в один миг [1] понял, что это не сон, а явь. Однако он забыл спросить о причинах и следствиях.

Всё это, конечно же, было невообразимо: открыть глаза, оказаться в объятиях Юн Шаня, услышать его голос и увидеть его перед собой, поистине, это самое разумное, что существовало в мире.

Губы двигались, но горло было настолько пересохшим, что Юн Ци не мог произнести ни звука.

Тогда, оставив все попытки что-то сказать, юноша открыл свои большие глаза и, направив взгляд на Юн Шаня, смотрел на него, не отрываясь.

Юн Шань всё же впервые видел старшего брата таким, его сердце хотело растаять, а сам он часто заморгал, чтобы слёзы, заставшие глаза, исчезли, после чего юноша с лёгкой улыбкой спросил:

— На что так смотрит старший брат? После столького времени я выгляжу некрасиво?

Юн Ци, словно пожирая брата взглядом, лишь уставился на него, но в душе он тихо сказал: «Счастливее всего на свете — увидеть тебя, даже если придётся сейчас умереть ради тебя, я охотно пойду на это».

Его губы не могли проронить ни звука, однако в глазах таилось множество слов.

От его взгляда Юн Шаня охватило тепло, словно за окном была весна.

Увидев, что у юноши вновь дрожат губы, будто тот желал что-то сказать, Юн Шань тотчас же поднял руку и, слегка прижав ладонь к середине груди Юн Ци, тихо проговорил:

— Старшему брату незачем что-либо говорить, никто не понимает твоего сердца, кроме меня.

Одним словом, при встрече тайком сговорившись с наложницей Ли, старший брат выкрал и сжёг письмо, отняв у Юн Шаня единственную возможность доказать свою правоту [2], после чего юношу заточили в тюрьму, и всё пропало.

Юн Ци замер, а из глаз брызнули слёзы.

Он открыл глаза, смог потянуть Юн Шаня за рукав, потому-то сил почти не осталось. Чем больше он слабел, тем яснее становился его разум. Лишь истинное положение дел сможет помочь Юн Шаню, нынешнему наследнику престола, снять с себя ложные обвинения, не оставив грязи на честном имени.

Юноша в душе принял решение: ведь кто начал всё это, тот и в ответе. Ему нужно лишь увидеться с отцом-императором, и тогда Юн Ци обязательно расскажет про то, что выкрал и сжёг письмо, про все содеянные поступки, лишь утаив, что это всё было сделано по указанию матушки Ли, чтобы сохранить жизнь матери и сына.

Когда тайное станет явным, отец-император непременно впадёт в ярость, ведь заточение наследного принца в тюрьму по ложному обвинению является серьёзным преступлением и карается смертью. Даже если отец-император великодушен и его, как отца, волнуют чувства детей, то, возможно, он пожалует ему, старшему сыну, отравленное вино и сохранит мёртвое тело от повреждений.

Юн Ци поднял большие ясные глаза и тихо взглянул на Юн Шаня.

Странно сказать, но он, никогда не обладающий смелостью и решительностью, сейчас при мысли о собственной казни несколько не испугался. Этот младший брат относился к нему очень хорошо, отчего Юн Ци чувствовал неловкость и угрызения совести из-за того, что отплатил ему чёрной неблагодарностью. Если ему, Юн Ци, удастся ценой своей жизни хоть немного отблагодарить его, то, значит, его любовь не напрасна.

Думая об этом, юноша едва двинулся.

Юн Шань спешно приблизился к нему и, утешающе поглаживая спину, спросил:

— Старший брат что-нибудь хочет? Во рту пересохло?

Молчаливый Юн Ци медленно поднял голову, в итоге прижался щекой к груди младшего брата.

Погода была холодной, и каждый был облачён в очень тёплые одежды, через которые невозможно было ничего услышать. Однако Юн Ци был уверен, что слышал, как сильно забилось всегда скрытное и спокойное сердце Юн Шаня.

Тук... Тук... Тук... Тук...

Он ненавидел себя за глупость, ведь они выросли вместе в одном дворце, а препирались больше десяти лет, напрасно тратя жизнь.

Закрыв глаза, юноша сладко слушал сердцебиение младшего брата.

Юн Шань, привыкший к холодному обращению со стороны людей, не думал, что после большого бедствия настанет час свидания, а робкий и стыдливый старший брат, к удивлению, поведёт себя не так, как обычно. Юноша не стал скрывать своей любви и привязанности к младшему брату, он был словно жалкий нищий, презираемый другими людьми, который

внезапно освободился от гнёта и стал почитаемым и желанным гостем, заставив даже сметливого и искусного в делах Юн Шаня в этот миг застыть.

Наследный принц, сдерживая тяжёлое дыхание и придя в себя, с особой осторожностью зашевелился, позволяя Юн Ци удобнее устроиться в его объятиях.

— Кхм-кхм, — сзади внезапно раздался кашель Юн Линя, который звучал крайне неестественно.

Юноша, скрываясь в стороне, уже долгое время наблюдал за двумя старшими братьями. Сейчас для него эта сцена стала действительно невыносимой, и, не удержавшись, он дважды кашлянул, как бы напоминая старшим братьям, что они всё ещё заключены во Дворце Наказаний, что рядом по-прежнему находится их младший брат, и им нужно быть немного сдержаннее.

Подал знак как глазами, так и кашлем, юноша получил небольшую реакцию.

— Юн Линь, — понизив тон, сказал Юн Шань, — прикрывай рот, когда кашляешь, не нужно мешать старшему брату отдыхать.

Во второй половине дня дверь камеры вновь открылась.

Слуга из покоев лекарей вместе с Мэнь Ци вошёл в комнату, держа в руках чёрный лакированный деревянный ящик, где было множество разных снадобий.

Все эти лекарства были предназначены двум сынам императора.

Юн Шань с Юн Ци, который по своей воле прижался к младшему брату, не меняли позу, и хоть наследный принц был ранен, однако в то же время был способен, стиснув зубы, вытерпеть любые неудобства.

Увидев, что слуга, обладающий познаниями в медицине, осторожно поднёс ему лекарство, Юн Шань, придерживая одной рукой Юн Ци, взял чашечку и, проверив, горячее ли лекарство или нет, запрокинул голову и выпил. После чего обратился к слуге:

— А где лекарство для Его Высочества Юн Ци? Тоже принесите и дайте мне.

— Ну что, выпил? — Юн Линь топнул ногой. — Старший брат, ты сразу не можешь разжать руки? Если выпил лекарство, тогда следовало бы натереть спину мазью. Давай?

Раньше, что бы ни случилось, он был рядом с Юн Ци, но сейчас, чуть ли не наоборот, он принял сторону близнеца.

Чем дольше юноша смотрел, как Юн Шань из-за Юн Ци пренебрегает собой, тем больше терял терпение, желая высказаться.

Юн Шань ответил:

— Выпил, но и старшему брату тоже нужно принять лекарство. — Снадобье для Юн Ци, что приказал подать юноша, наконец-то поднесли.

В дела сынов императора слуга из комнаты лекарей не осмелился вмешиваться. Смотря на ласкового Юн Шаня, который, держа единокровного старшего брата, хотел дать ему лекарство, слуга был в смятении, но не осмелился вымолвить и слова, лишь вытянул руки и отступил назад.

Мэнь Ци был действительно выдающимся человеком: на лице не было ни единой морщинки, словно он не замечал того, что не положено было видеть. Мужчина поклонился и сказал:

— После приёма лекарства, немного погодя, могу прислать людей, чтобы они прибрались здесь. Позвольте Вашему слуге первому удалиться. Да, кстати, Ваши Высочества, какие блюда подать вам на ужин?

Юн Линь застыл:

— Что? Можно запросить блюда?

Мэнь Ци всё же с бесстрастным лицом слегка кивнул:

— Исходя из нового указа императора, трём Высочествам не только нельзя выходить, но и нельзя передавать сообщения, а всё остальное может быть предоставлено согласно рангу принцев. Вы не только можете запросить блюда, но, если захочется, вам позволено пригласить служанок, чтобы они составили вам компанию ночью. Однако, если служанки придут сюда, без высочайшего указа у них не получится покинуть Дворец Наказаний во избежание передачи сообщений.

— Не надо, не надо, даже если разрешено звать служанок, у кого сейчас будет настроение их приласкать? — Наглый Юн Линь, стоящий в стороне и наблюдающий за парочкой, которую ни жизнь, ни смерть не могла разлучить, вспомнил, что сегодня вечером сможет хорошо поесть, обрадовался. Смотря в упор, юноша проговорил: — Старина Мэнь, ты в этом Дворце Наказаний чуть не разгневал сынов императора, моря их голодом. Никаких овощей, я скажу тебе, а ты запоминай. Хочу острый тушёный бараний позвоночник, биботяньцзи [3], утку, фаршированную акульим плавником, солёно-пряную оленину...

В мыслях он отодвинул в сторону названия бобовых блюд. Может из-за того, что юноша в последнее время слишком много думал о мясе, все выбранные им блюда были мясными. На

самом деле Юн Линь хотел продолжить, но, поразмыслив, понял, что вся еда не уместится на столе, и, помахав рукой, сказал:

— Довольно, прежде всего во что бы то ни стало подайте эти несколько блюд, а оленину нужно отдать на императорскую кухню, где Лао Ду сделает её довольно пряной. Давай, одна нога здесь, другая там. Да, ещё не забудь принести горшочек душистого варёного горячего риса!

— Подожди. — Держащий старшего брата Юн Шань осторожно зачерпнул ложкой лекарственное снадобье и, поднеся ко рту Юн Ци, мало-помалу вливал содержимое. К этому времени лекарства в миске оставалось больше половины, но, увидев, что Мэнь Ци собирается уйти, наследный принц остановил слугу и равнодушно сказал: — Слишком много мяса, наоборот, вредит желудку. Добавьте к сваренному на пару юаньскому окороку дофу [4], ещё принесите из императорской кухни блюдечко маринованных грибов сянгю [5] с сушёным мясом, немного огурцов, сдобренных ароматным уксусом, и миску рисовой каши.

— Слушаюсь.

— Ещё, отварив на пару юаньский окорок и дофу, вытащите окорок, подайте только дофу, и всё.

— Запомнил.

После ухода Мэнь Ци Юн Шань терпеливо напоил Юн Ци лекарством.

Юн Линь долгое время бросал холодный взгляд и, всё же не сдержавшись, был вынужден взять стоящую на столе осенне-жемчужную мазь и с лицом человека, который примирился с судьбой, подошёл к старшему брату.

— Это возмездие за причинённое в прошлой жизни зло, так писалось в книге. — Юн Линь опустил рядом с Юн Шанем и, помотав головой, вздохнул: — Это не плохо, ты ухаживаешь за ним, я — за тобой, когда я благоговейно занял последнее место? Разумно?

Последние пару слов юноша недовольно пробормотал себе под нос.

Держа в руках Юн Ци, Юн Шань вновь стал поить его лекарством. Юн Линь всем сердцем хотел помочь старшему близнецу намазать спину, однако он мог развязать лишь одну сторону пояса брата. Немного распахнув одежду Юн Шаня, он нанёс на пальцы принесённую липкую мазь и стал её втирать в раны.

Юноша не видел повреждений, поэтому только и мог, что полагаться на собственные предположения и действовать на ощупь, при этом думая, что было бы лучше нанести побольше мази.

Дорогая коробочка чудодейственного лекарства вскоре была полностью израсходована.

Юн Линь сильно потёр рану, причиняя тем самым боль, от которой Юн Шань нахмурил брови, однако последний понимал, что это его младший близнец.

С открытым сердцем юноша молча сдерживал боль и ждал, когда Юн Линь полностью использует мазь. Юн Шань как раз закончил давать лекарство старшему брату и, повернувшись, с улыбкой произнёс:

— Весьма благодарен за то, что ты сделал.

Юн Линь фыркнул, поднялся с места и отошёл. Держа пустую коробочку, он подошёл к столу и положил её, а потом вновь сел греться у печки.

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «молния блеснула, камень вспыхнул», обр. в знач.: моментально, в мгновение ока.

[2] В оригинале фраза звучит как «сто уст не докажут», обр. «быть не в состоянии доказать свою правоту».

[3] В этом блюде основными ингредиентами являются лягушачьи лапки и люффа, которая относится к травянистым растениям семейства тыквенных, также в него входят: дудчатый лук, морковь и имбирь. Само блюдо имеет солёный и приятный вкус.

[4] Другие названия — бобовый сыр, соевый творог, тофу.

[5] Ещё их называют шиитаке.

<http://bllate.org/book/13372/1189622>